

А. С. Касиян

**А. Н. КРУПЕНСКИЙ И Б. Э. НОЛЬДЕ — РОССИЙСКИЕ
ДЕЛЕГАТЫ НА ПЕРЕГОВОРАХ ПО ШПИЦБЕРГЕНСКОМУ
ВОПРОСУ В ХРИСТИАНИИ (Норвегия, 1910–1912 годы)**

Примерно со второй половины XIX века в отношениях между Россией и Норвегией, имеющих общую границу на Севере, появилась еще одна точка соприкосновения — арктический архипелаг Шпицберген. Вопрос о внутреннем правопорядке на этой тогда еще «ничьей» территории впервые рассматривался на международных конференциях, проходивших в Христиании (Осло) в 1910, 1912 и 1914 годах. На первых двух российско-шведско-норвежских «северных» конференциях делегатами от России были назначены российский посланник в Норвегии А. Н. Крупенский и юрисконсульт МИД барон Б. Э. Нольде. В этой связи основная задача настоящей публикации — показать роль этих деятелей в истории Шпицбергенского вопроса как части российско-норвежских дипломатических отношений начала XX века.

Анатолий Николаевич Крупенский (2.11.1850 по ст. ст., с. Коржеуц Хотинского уезда, Бессарабия — 6.12.1923, Рим) — дипломат, титулярный советник, гофмейстер, член Государственного совета, русский посланник в Норвегии (1905–1912), русский посол в Италии (1912–1915), в эмиграции член Высшего монархического совета. Отец А. Н. Крупенского, Николай Матвеевич Крупенский, православный, был бессарабским областным предводителем дворянства, камер-юнкером Двора Его Императорского Величества, статским советником, кавалером ордена св. Анны 2-й степени (1868). С женой Надеждой Ивановной у них было, помимо старшего сына

Анатолия, семеро детей, шесть сыновей и одна дочь. Род Крупенских получил дворянское звание в 1858 году. Николай Матвеевич был крупным помещиком, имел вотчину Романкоузы в 5 тыс. десятин¹.

А. Н. Крупенский начал учебу в Императорском Киевском университете св. Владимира, откуда в сентябре 1871 года был переведен в Императорский Московский университет. Там он окончил юридический факультет «при очень хорошем поведении», показав при этом «отличные успехи». 10 июня (ст. ст.) 1874 года был утвержден в степени кандидата права и принят на гражданскую службу чиновником 10-го класса². 2 ноября (ст. ст.) того же года А. Н. Крупенский обратился к императору Александру III с прошением принять его на службу в МИД. Продвигаясь по карьерной лестнице, титулярный советник А. Н. Крупенский, будучи вторым секретарем Русского посольства в Вене, получил звание камер-юнкера со старшинством (1879)³.

О личности А. Н. Крупенского сведений крайне мало, они разбросаны по разным источникам. Тем не менее доступные нам материалы свидетельствуют о том, что он был человеком темпераментным, импульсивным, монархистом по своим политическим убеждениям, карьеристом, любил жить на широкую ногу⁴. Приведем некоторые характеристики А. Н. Крупенского, данные его современниками.

Рейхсканцлер Германии князь Б. фон Бюлов познакомился с А. Н. Крупенским в 1894–1897 годах, будучи послом Германии в Риме. А. Н. Крупенский в то время был первым секретарем Русского посольства в Италии. По словам Б. фон Бюлова, А. Н. Крупенский «прославился в европейских дипломатических кругах своим исполинским носом, громким голосом и порывистыми движениями. Это был, впрочем, глубоко порядочный человек, настоящий русский, “истинно русский”, но, как и большинство его единомышленников, он был настроен против австрийцев, хотя и не против немцев, и не питал особой симпатии к “гнилому Западу”. Этот австрофоб был женат на австриячке, очень любезной и милой даме, дочери австрийского фельдмаршал-лейтенанта»⁵.

Граф А. А. Игнатъев, военный агент России в Скандинавских странах (1908–1912), в своих воспоминаниях «50 лет в строю» назвал А. Н. Крупенского «богачейшим бессарабским помещиком», которому доставляли «истинную радость» «редкие наезды» русского военного атташе, поскольку «давали лишний предлог затмить всех коллег своим подчас слишком подчеркнутым восточным хлебосольством». По словам А. А. Игнатъева, «Крупенский со свойственной этой семье южной экспансивностью обра-

щался не только со своим единственным секретарем, но и с норвежскими чиновниками как с собственными крепостными. — “Il est terrible votre minister, — жаловались мне норвежцы. — Il vient au ministere — cravache a la main!”» («Он ужасный человек, ваш посланник! Он приходит в министерство с хлыстом в руке!») А. А. Игнатъев также заметил, что «этому восточному сатрапу не могла быть по душе демократическая свободолюбивая Норвегия», поскольку он «не раз возмущался, как смело правительство запретило королеве, родственнице английского короля и большой спортсменке, держать больше одной верховой лошади»⁶.

А. К. Бентковский, директор Второго департамента МИД России (1905–1914), во время своего посещения Христиании в 1914 году в связи с представительством на Международной конференции по Шпицбергенскому вопросу вскользь упомянул о том, что русский посланник в Норвегии в течение пяти лет проживал в прекрасном доме, расположенном на вершине горы одного из фьордов норвежской столицы⁷. А. М. Коллонтай, полпред СССР в Норвегии, в марте 1924 года также упомянула в своих дневниках об «особняке», где «комнаты представительные, зала огромная, с паркетом, по которому хочется танцевать». По ее словам, в этом доме, откуда открывался вид «на королевский парк и дворец», первый посланник царской России в независимой Норвегии любил «задавать пиры», «о которых в Христиании до сих пор говорят»⁸.

Таким образом, на А. Н. Крупенского с его хорошим образованием, консервативными взглядами, верностью службе на благо родине и осведомленностью в «норвежском вопросе» благодаря его семилетнему пребыванию на посту посланника в Норвегии российское правительство вполне могло положиться в ходе переговоров, нацеленных, в частности, на сохранение статус-кво России в далекой Арктике.

Не менее достойным представителем России на конференции в Христиании был барон **Борис Эммануилович Нольде** (26.12.1876, Санкт-Петербург — 28.05.1948, Лозанна, Швейцария)⁹. Ученый-юрист, историк, дипломат, он происходил из рода российских немцев, потомственных дворян Курляндской губернии, относившихся к одной из трех ветвей этого дома, *Бакхаузен* (по названию поместья)¹⁰. Его отец, Эммануил Юльевич Нольде, принадлежал к высшему слою петербургской знати, представлял генерал-губернатора Кавказа в Совете министров. Э. Ю. Нольде был женат на Марии Васильевне Якимовой и имел двоих детей, Бориса и Екатерину; вся семья Нольде, как и Крупенских, была православного вероисповеда-

ния¹¹. В 1902 году Б. Э. Нольде женился на Александре Андреевне Искрицкой¹², которая родила ему сына Андрея (1905–1987)¹³.

Биография Б. Э. Нольде, в отличие от биографии А. Н. Крупенского, достаточно хорошо известна. В 1899 году он окончил юридический факультет Петербургского университета, где учился у знаменитого юриста-международника профессора Ф. Ф. Мартенса. В 1905 году стал магистром международного права, защитив диссертацию по теме «Постоянно нейтральное государство»¹⁴. Именно Б. Э. Нольде одним из первых в отечественной историографии провел обстоятельный анализ правовых основ и причин распада Шведско-норвежской унии¹⁵. Он являлся автором ряда исследований и учебников по истории, политике и международному праву, постоянно публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях на русском, немецком, французском, английском языках, читал лекции в университетах России, Франции, Бельгии и Голландии.

Приведем основные вехи его профессиональной и общественно-политической деятельности: 1903–1919 — экстраординарный профессор Политехнического института по кафедре международного права в Петербурге; 1908–1917 — профессор Александровского лицея и высших женских курсов; 1907–1914 — юрисконсульт МИД; 1914–1916 — директор юридической секции МИД; 1914 — член Партии кадетов (входил в Центральный комитет); 1916–1917 — директор Второго департамента МИД; февраль–май 1917 года — статс-секретарь МИД; 1917–1919 — ординарный профессор международного права Петроградского университета¹⁶.

1917 год стал поворотным в судьбе Б. Э. Нольде, который никогда не скрывал своих западнических и конституционных взглядов. Его высокая компетентность как юриста была востребована Временным правительством. Б. Э. Нольде участвовал в составлении акта отречения от престола великого князя Михаила Александровича и о передаче всей полноты власти Временному правительству. Б. Э. Нольде было поручено подготовить проект Конституции, но ему помешала начавшаяся в октябре революция. Два года спустя он эмигрировал во Францию (Париж), где работал адвокатом и экспертом по правовым вопросам. В эмиграции Б. Э. Нольде порвал с левым крылом кадетов и полностью отошел от политики¹⁷.

В качестве дипломата Б. Э. Нольде принимал участие во Второй конференции мира в Гааге (1907), Лондонской морской конференции (1908–1909), в шпицбергенских конференциях (1910–1912) и др. Состоял членом постоянной палаты Третейского суда в Гааге. В годы Второй мировой войны Б. Э. Нольде занял антинацистскую позицию и, находясь во Франции, был

награжден орденом Почетного легиона. В 1947 году он стал председателем Института международного права, членом которого являлся с 1912 года¹⁸.

На протяжении всей своей сознательной жизни Б. Э. Нольде неустанно занимался наукой. По свидетельству современников, он обладал «глубоким пониманием действительности, исторической и современной», его выводы имели «не только теоретическую, но и практическую» значимость. В революционный период Б. Э. Нольде «никогда не терял присутствия духа, трезвого рассудка и способности наблюдать и объективно оценивать происходящие события». В 70 лет он был все еще по-юношески активен и с мастерством руководил сессиями Института международного права. Барон Б. Э. Нольде был натурой «яркой, целеустремленной и благородной»¹⁹.

Таким образом, Россия выставила достойных делегатов на предварительные конференции по Шпицбергену, что свидетельствовало о важной роли этого вопроса в планах правительства царской России начала XX века.

Вплоть до 1871 года международно-правовой статус Шпицбергена, открытого в 1596 году голландским мореплавателем В. Баренцем, не был определен. Результатом дипломатической переписки МИД России и Швеции (Норвегия состояла с ней в унии с 1814 по 1905 год) в 1871–1872 годах, инициированной шведской стороной в связи с геологическими исследованиями на о. Западный Шпицберген, стало соглашение, по которому архипелаг объявлялся *terra nullius* («ничьей землей»). На рубеже XIX–XX веков суша и прибрежные воды Шпицбергена подвергались активному освоению. Большое экономическое значение, в частности, приобрели обнаруженные там еще в конце XVII века богатые месторождения каменного угля.

В начале XX века сосредоточение на Шпицбергене многонациональной массы людей, занимавшихся разными видами деятельности (зверобойным промыслом, охотой, научными исследованиями, частным предпринимательством, работой по найму, туризмом и пр.), поставило на повестку дня вопрос о введении на архипелаге специального законодательства. В связи с этим в феврале 1907 года норвежский МИД запросил мнения заинтересованных государств (России, Швеции, Великобритании, Германии, Франции, Дании, Бельгии и Нидерландов). При этом официально подчеркивалось желание норвежского правительства сохранить международно-правовой статус Шпицбергена *terra nullius*.

В связи с непростой обстановкой на мировой политической арене, в частности с российско-британскими трениями на Ближнем Востоке и империалистической борьбой великих держав за раздел колоний, про-

цесс предварительных переговоров по Шпицбергенскому вопросу растянулся на семь лет. Международной конференции в Христиании 1914 года предшествовали две встречи трех северных государств — России, Швеции и Норвегии, имевших, по признанию остальных государств, наибольший *политический* интерес в урегулировании вопроса о Шпицбергене.

Еще до начала переговоров А. Н. Крупенский активно информировал МИД относительно Шпицбергена (первые его депеши, касавшиеся этого вопроса, датируются первой половиной 1906 года). В его многочисленных донесениях отражено ревностное отношение к своим обязанностям, желание помешать тому, что могло бы способствовать передаче Шпицбергена Норвегии, хотя в этот период вопрос о международно-правовом статусе архипелага официально не ставился. В этой связи А. Н. Крупенский по мере своих сил стремился исключить любые норвежские действия за спиной у России.

Его тревожные сообщения о шведско-норвежской дипломатической ноте Берлину и Лондону с целью предостеречь германские и британские пароходные компании от несанкционированной охоты их пассажиров на Шпицбергене в 1909 году навлекли на норвежцев шквал недовольства российского МИД и заставили норвежского министра иностранных дел В. Кристоферсена извиняться за свою «невольную ошибку». Действия норвежцев А. Н. Крупенский объяснял (но не оправдывал) стремлением Норвегии не упустить первого после размолвки 1905 года шага к сближению со Швецией²⁰.

Успешно предотвратив совместные действия Норвегии и Швеции в 1909 году, А. Н. Крупенский накануне открытия заседания в Христиании в июле 1910 года сигнализировал МИД о том, что потенциальное сепаратное соглашение между США и Норвегией относительно вопроса о земельных участках на Шпицбергене все-таки не состоялось. Возможно, этому отчасти способствовало его «энергичное представление», сделанное по совету министра иностранных дел А. П. Извольского норвежцам²¹. Земельный вопрос на Шпицбергене, впрочем, оставался камнем преткновения, и в 1912 году из-за невозможности договориться с норвежцами американцы потребовали третейского разбирательства²².

В преддверии Шпицбергенской конференции Б. Э. Нольде участвовал в межведомственном совещании при МИД (1909), в ходе которого было четко обозначено стратегическое значение Шпицбергена для России. Указывалось, что архипелаг находился в сутках пути от Мурмана, где предполагалось устроить военно-морскую гавань; обладал запасами каменного

угля, пригодного в качестве топлива для военно-морских судов; располагался на пути следования к устьям сибирских рек, что делало его важным с точки зрения российских торговых интересов; его воды предоставляли обширные возможности для зверобойного и рыбного промысла²³. Тогда же была выработана основная концепция поведения российских делегатов на предстоящей конференции. Шпицберген должен был остаться *terra nullius*, то есть открытым для зверобойных промыслов и промышленной деятельности гражданам всех государств, нейтральным и демилитаризованным в случае войны, и, наконец, российские делегаты должны были участвовать во внутреннем управлении на архипелаге²⁴.

В апреле 1910 года из-за крайней занятости барона Б. Э. Нольде профессорскими делами заместитель министра иностранных дел С. Д. Сазонов предложил отсрочить совещание до 1 июня или перенести его в Петербург²⁵. В середине июня А. П. Извольский телеграфировал, что Б. Э. Нольде сможет прибыть в Христианию только 18 июля²⁶. Неудивительно, что подобные отлагательства вызывали раздражение норвежцев²⁷.

Первое совещание проходило в Христиании (19.07–11.08.1910), по словам А. Н. Крупенского, на фоне «взаимного ревнивого недоброжелательства» Швеции (Я. Хаммаршёльд, Г. Фалькенберг) и Норвегии (Фр. Хагеруп — председатель конференции, Х. Брюн). У российского посланника и его коллег, барона Б. Э. Нольде и секретаря И. Г. Лорис-Меликова, сложилось впечатление, что «единственным желанием Швеции на этой конференции» было «сделать неприятность Норвегии»²⁸. Российские же делегаты, по словам А. Н. Крупенского, вынуждены были исполнять роль арбитра.

Во время нелегких переговоров нервы сдавали даже у скандинавских делегатов, отнюдь не склонных к эмоциям. Приведем один из примеров накала страстей на конференции 1910 года. Во время решения деликатного вопроса о дальнейшей судьбе общей конвенции Фр. Хагеруп настаивал на том, чтобы сведения о реакции остальных заинтересованных держав доставлялись через Христианию. А. Н. Крупенский с присущей ему заносчивостью поднял на смех «наивную», по его мнению, попытку Норвегии обойти Россию и Швецию «грамматически совершенно неправильной и прозрачной» поправкой. Подобное отношение настолько обидело Фр. Хагерупа, что он, по словам А. Н. Крупенского, «в первый раз потерял самообладание» и в сердцах заявил, что откажется подписывать «шведско-русскую» редакцию конвенции. Тогда А. Н. Крупенский постарался «успокоить своего взволнованного собеседника», «дружески и настоятель-

но посоветовал принять нашу (русскую. — А. К.) редакцию», поскольку ее уже не изменить, а упрямство лишь обострит и без того напряженные шведско-норвежские отношения (Я. Хаммаршёльд «грозил тотчас же уехать в Стокгольм»)²⁹.

В то время как А. Н. Крупенский наблюдал за психологическим климатом на конференции, Б. Э. Нольде занимался сухой и монотонной работой юриста-правоведа, анализировал пункт за пунктом проект конвенции, сопоставлял российский проект с норвежскими и шведскими предложениями, пытался найти компромисс по наиболее спорным вопросам. За те два года, что он являлся главным юридическим консультантом России по Шпицбергенскому вопросу, им было составлено пять объемных тетрадей, включавших тщательно подобранные материалы по Шпицбергену, протоколы заседаний, проекты конвенции, сопутствующую дипломатическую переписку, материалы межведомственных совещаний МИД и пр.³⁰

В результате делегатам все-таки удалось выработать общий проект конвенции о внутреннем правопорядке на Шпицбергене. Несмотря на явное стремление Норвегии подчинить ситуацию на архипелаге норвежскому законодательству, основную власть на Шпицбергене решено было передать комиссии в составе трех избравшихся каждые шесть лет делегатов из России, Норвегии и Швеции. Шпицберген признавался нейтрализованной и демилитаризованной территорией, открытой для подданных всех государств, не подлежавшей аннексии и не подпадавшей под суверенитет ни одной из стран. Таким образом, основные положения российской программы удалось отстоять. Это дало А. Н. Крупенскому повод самонадеянно заявлять в своей очередной депеше, что расширенная конференция станет лишь «более торжественной формой признания нейтралитета Шпицбергенского архипелага» и будет чистой формальностью, необходимой, тем не менее, для того, чтобы Норвегия и «другие второстепенные державы» не обиделись на пренебрежительное отношению к себе России, чья политическая воля была отражена в проекте Шпицбергенской конвенции³¹.

Поскольку общий проект был встречен остальными заинтересованными государствами сдержанно (наиболее серьезные и далеко идущие возражения высказали правительства США и Германии), российские, шведские и норвежские делегаты встретились вновь (15–26.01.1912) для внесения необходимых поправок в проект конвенции. На этот раз, согласно депешам А. Н. Крупенского, дух шведско-норвежской антипатии сменился скандинавской солидарностью и сотрудничеством. Впрочем, второй общий про-

ект конвенции почти не отличался от первого, за исключением приложения о земельных участках³².

Итак, основным результатом заседаний представителей трех северных государств и, в частности, деятельности А. Н. Крупенского и барона Б. Э. Нольде стала разработка проекта конвенции о внутреннем правопорядке на архипелаге Шпицберген и издание так называемой «Оранжевой книги» с дипломатической перепиской по Шпицбергенскому вопросу в период 1871–1912 годов³³. Сборник был опубликован в виде приложения к «Известиям МИД» в 1912 году³⁴. Включенные в него материалы, ноты и депеши МИД Швеции (с 1905 года — Норвегии) и России относительно международно-правового статуса Шпицбергена, проекты конвенции 1910 и 1912 годов и сопутствующая процессу переговоров переписка на русском и французском языках до сих пор являются важным источником для изучения вопроса о Шпицбергене.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что активная позиция А. Н. Крупенского, не позволявшего Швеции и Норвегии отмежеваться от российской генеральной линии в Шпицбергенском вопросе во время предварительных переговоров (1906–1912), и высокая компетентность барона Б. Э. Нольде в области права способствовали преодолению шведско-норвежских противоречий, связанных с неприязнью, оставшейся после расторжения унии в 1905 году, выработке единого проекта конвенции о Шпицбергене и его обнародованию. Кроме того, нужно отметить определенную асимметрию в поведении российских и норвежских делегатов. Россияне ощущали собственное превосходство, которое А. Н. Крупенский не упускал случая продемонстрировать норвежским коллегам. Норвежцы, осознавая свой дилетантизм во внешнеполитических вопросах, с одной стороны, были вынуждены постоянно за него извиняться. С другой стороны, именно положение «младшего» давало им повод вести себя дерзко и напористо и в то же время зондировать почву относительно возможности получения суверенитета над Шпицбергеном в будущем.

После смены делегатов на расширенной Шпицбергенской конференции в 1914 году³⁵ обсуждение вопроса зашло в тупик, и его решение продолжилось только после окончания Первой мировой войны в совершенно иных внешнеполитических условиях, при которых Советская Россия оказалась за бортом внешней политики капиталистических государств. В результате по Парижскому договору от 9 февраля 1920 года Шпицберген был отдан под суверенитет Норвегии. Тем не менее отметим, что работа А. Н. Крупенского и Б. Э. Нольде не пропала даром. Результаты конферен-

ций 1910 и 1912 годов стали базой для выработки основных принципов договора о Шпицбергене (по-норвежски — Свальбард), в котором была сделана оговорка на случай присоединения к нему России.

¹ Аттестат Н. М. Крупенского, 20.01.1875 // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1. Д. 185 (1874). Л. 131–132 об.

² Аттестат А. Н. Крупенского № 1448 // АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1. Д. 185 (1874). Л. 125.

³ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/1. Д. 340 (1879). Л. 7, 22 об.

⁴ Карелин В. А. Анатолий Николаевич Крупенский: Первый дипломатический представитель России в независимой Норвегии (1905–1912) // Вестник Баренц-центра Мурман. гос. пед. ун-та. Мурманск, 2009. Вып. 8. С. 95–98.

⁵ Бюлов Б. Воспоминания: пер с нем. М.; Л., 1935. С. 419–420.

⁶ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю: в 2 т. М., 1950. Т. 1. С. 471–472, 474–476.

⁷ Бентковский А. К. Дневниковые записи. 3.01.1904–22.12.1905, март — 18.07.1914 // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 218.558.1. Л. 100 об.

⁸ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. М., 2001. Т. 1. С. 202.

⁹ В качестве альтернативы Б. Э. Нольде рассматривалась кандидатура другого крупного юриста-международника, тоже ученика Ф. Ф. Мартенса, специалиста по Скандинавскому и Балтийскому вопросам, советника министра иностранных дел, вице-директора Второго департамента МИД, профессора международного права барона М. А. фон Таубэ (1869–1961). Именно М. А. Таубэ являлся консультантом МИД на переговорах по международным гарантиям Норвегии в 1907 году. О том, что он хорошо изучил состояние вопроса о Шпицбергене и готовился представлять Россию на конференции, свидетельствует, например, его развернутый отзыв на норвежский меморандум о Шпицбергене (5.05.1909), составленный 11.09.1909 (АВПРИ. Ф. 155. Оп. 930. Д. 7. Л. 247–248). Вероятно, в последний момент выбор был сделан в пользу Б. Э. Нольде, поскольку в 1910 году он оказался менее занят, чем М. А. Таубэ.

¹⁰ Основателем этой ветви был Фридрих (Фридрих Георг Готхард) Нольде (1775–1845).

¹¹ Формулярный список о службе барона Э. Ю. Нольде, 9.06.1899 (копия) // АВПРИ. Ф. 159: ДЛС и ХД. Оп. 749/1 (1899). Д. 1272. Л. 157.

¹² Выпись из метрической книги о бракосочетании за 1902 год, ч. 2 // АВПРИ. Ф. 159: ДЛС и ХД. Оп. 749/1 (1899). Д. 1272. Л. 174–175.

¹³ Сахаров И. В. Менгдены, Михельсоны, Нольде (статьи, написанные для энциклопедии «Немцы России», но в ней не помещенные) // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2007. Вып. 19. С. 104–108.

¹⁴ Нольде Борис Эммануилович // Русский биографический словарь: в 20 т. М., 2001. Т. 11. С. 206–207.

¹⁵ *Нольде Б.* Начало и конец Шведско-норвежской унии // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 2. С. 58–105; № 3. С. 1–43.

¹⁶ Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. М., 2004. Т. 5. С. 166; *Вишняк М. В.* Б. Э. Нольде // Новый журнал. Нью-Йорк, 1948. № 19. С. 279–289.

¹⁷ *Садиков О. Н.* Из истории юридической науки в России: барон Б. Э. Нольде (1876–1948 гг.) // Государство и право. Институт государства и права РАН. № 1. 2002. С. 91–92.

¹⁸ Там же. С. 93.

¹⁹ Там же.

²⁰ А. Н. Крупенский — МИД, 27.06.1909 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 153. Л. 31–31 об.; А. Н. Крупенский — МИД, 2.07.1909 // АВПРИ. Ф. 155, I–5. Оп. 930. Д. 7. Л. 187–192 об.; 193–195 об.

²¹ А. П. Извольский — А. Н. Крупенскому (?), 28.06.10 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31. Л. 265; А. Н. Крупенский — МИД, 12–13.07.10 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31. Л. 199, 205.

²² И. Г. Лорис-Меликов — МИД, 25.06.12, 5.07.12 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 30. Л. 121, 122.

²³ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 930. Д. 3. Л. 20–23, 31–32.

²⁴ Там же. Л. 33.

²⁵ С. Д. Сазонов, 13.04.10 (копия исходящей телеграммы) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31. Л. 257.

²⁶ А. П. Извольский, 25.06.10 (копия исходящей телеграммы) // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31. Л. 264.

²⁷ Норвежский министр в Копенгагене — МИД Норвегии, 16.06.1912 // RA UD. В. 5043. P7-A-01/06. Vd. XX. № 09515 /1912.

²⁸ А. Н. Крупенский — МИД, 1.04.10 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31. Л. 145.

²⁹ А. Н. Крупенский — С. Д. Сазонову, 28.08.1910 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1910. Д. 31. Л. 77–79 об.

³⁰ См.: Материалы о Шпицбергене, подобранные чиновником особых поручений при МИД Нольде // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 930. Д. 3 (1871–1910).

³¹ А. Н. Крупенский — МИД, 29.08.10 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 31. Л. 120–121.

³² Заключительный протокол второго Христианьского совещания, 26.01.1912. Приложение 2 // Дипломатическая переписка. Шпицберген. С. 77–79.

³³ А. Н. Крупенский — А. К. Бентковскому, 2.04.1912 // АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 30. Л. 106; RA UD. В. 5044. P7-A-01/06. Vd. XXI. № 13147/1912, 10558/1912.

³⁴ Дипломатическая переписка. Шпицберген. 1871–1912 // Известия МИД. 1912. Приложение к кн. 3.

³⁵ В мае 1912 года А. Н. Крупенский передал полномочия российского посланника в Норвегии С. В. Арсеньеву. Руководителем же российской делегации на расширенной Шпицбергенской конференции 1914 года стал директор Второго департамента МИД А. К. Бентковский. Б. Э. Нольде также вынужден был отказаться от участия в конференции из-за плотного преподавательского графика и других дипломатических обязанностей. Его заменил представитель России в Константинополе, доктор международного права А. Н. Мандельштам.